

Тукташ И. Чувашский фольклор в творчестве К. В. Иванова / И. Тукташ // К. В. Иванов : материалы юбилейных торжеств, посвящ. 50-летию со дня рождения поэта (1890-1940). — Чебоксары : Гос. изд-во ЧАССР, 1941. — С. 43-57.

ИЛЬЯ ТУКТАШ

ЧУВАШСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ТВОРЧЕСТВЕ К. В. ИВАНОВА¹

I.

При изучении истории литературы той или иной народности мы неизбежно сталкиваемся со следующим общеизвестным фактом: все великие мастера художественного слова широко пользовались в своем творчестве неиссякаемыми богатствами устного поэтического творчества народов. И это вполне естественно, ибо, как говорил А. М. Горький, все „наиболее глубокие и яркие художественно совершенные типы Героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа“. Наши до-революционные чувашские поэты точно также широко пользовались фольклором. В силу этого обстоятельства многие произведения их, проникнув в устную народную поэзию, с течением времени уподобились произведениям фольклора. Первый чувашский поэт М. Ф. Федоров еще в девяностых годах прошлого столетия на основе чувашского фольклора написал свою поэму „Ар-скюри“, но лишь в 1908 году она увидела свет. Однако задолго до выхода из печати ее знали наизусть почти все чувашские сказители. Или другой факт: как только была напечатана знаменитая поэма Иванова „Нарспи“, она быстро распространилась среди широчайших масс чувашского народа и наряду с лучшими шедеврами устного творчества обрела свое бессмертие.

Есть двойная взаимосвязь между индивидуальным творчеством писателя и устным народным творчеством. С одной стороны, художник, органически усваивая красоту и богатство народной поэзии, питает ее соками свое творчество. Народ, со своей стороны, чутко улавливает в подлинно художественных произведениях свои заветные думы и включает эти близкие и понятные ему произведения в свой репертуар. Таким образом, безымянные произведения художника-гения живут в народе веками.

Эти факты подводят нас к следующему выводу: сила и бессмертие литературных шедевров заключается в их неразрывной связи с думами и чаяниями народа. Они рождаются из народной

¹ Доклад на юбилейной конференции ССП Чувашии, 20 октября 1941 г.

мечты, обогащаются народной словесностью и остаются в истории как произведения подлинного народного творчества. Это положение прекрасно было сформулировано А. М. Горьким на первом всесоюзном съезде советских писателей. Он говорил:

„Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микла Селянинович, Святогор, далее доктор Фауст, Василиса Премудрая, иронический удачник Иван-дурак и, наконец, Петрушка, побеждающий смерть,—все это образы, в создании которых гармонически сочетались радио и интуицию, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творчестве действительности, в борьбе за обновление жизни“.

* * *

Жизнь и творчество Константина Васильевича Иванова относится к той эпохе, когда царская Россия являлась „тюрьмой народов“. Двойной гнет терпели нерусские народности: их притесняли колонизаторы царской России, туземные улбуты, кулаки, попы. В те трудные времена чуваша не могли и мечтать о развитии собственной духовной культуры. Всякое живое слово, проблески национального самосознания беспощадно подавлялись. Характерно в этом отношении признание одного из видных представителей филологической науки царского времени С. Буглича:

„Несмотря на обилие народностей, обитающих в пределах Российской империи, важная научная ценность которых была отмечена еще знаменитым Лейбницем в его переписке с Петром Великим, мы гораздо больше заботились об их подавлении и истреблении, чем об их изучении. Справедливость требует признать, что в первом отношении нами действительно проделаны большие успехи. Истребив уже ряд народностей, мы ни одной еще не изучили как следует“,—писал он в „Живой старине“ в 1910 году.

В обстановке свирепого разгула всех темных сил царского самодержавия, в обстановке зверского подавления человеческой личности и лучших стремлений людей к свободе и творчеству могли не терять надежды на культурное возрождение только те лица, которые глубоко верили в силу и могущество народа, в его грядущее счастье и свободу. Таким был автор классической поэмы „Нарспи“ Константин Васильевич Иванов. Несмотря на свою трагическую участь, он пламенно верил в светлую будущность своего народа. В своем творчестве он выразил народные чувства и надежды, мечты и стремления к свободе и справедливости. Он превосходно знал обычаи и обряды, песни и заговоры, сказки и предания родного народа. Он тщательно собирал устное поэтическое творчество, мастерски перерабатывал его. На основе народной словесности он создавал крупные, художественно совершенные произведения.

Чтобы установить, как широко и в какой трансформации пользовался талантливый поэт созданиями фольклора, нам следует рассмотреть некоторые наиболее известные факты чувашской фольклористики.

II.

Чувашский фольклор, как и фольклор любой народности, существует с глубокой древности. Но вплоть до XVIII века мало кто знал о существовании чувашского фольклора. Лишь к концу XVIII века в печати изредка стали появляться этнографические заметки о чувашах. Первые более общие сведения о чувашах дал немецкий ученый Миллер в своей книге „Описание живущих в Казанской губернии языческих народов“. До Миллера о чувашах писал Страленберг в „Историческом описании северной и восточной части Европы и Азии“, однако он не смог дать основательных сведений о чувашах. Позже описания чуваш попадаются в книгах П. И. Рычкова, Лепехина, Палласа, Фолька, Георги и других.

Следует отметить, что авторы заметок о чувашах описывали их с чисто этнографической точки зрения. Их мало интересовала духовная культура изучаемых народов, поэтому чувашский фольклор не мог получить должного освещения в научной литературе того времени.

Образцы чувашского фольклора впервые были приведены в книге А. А. Фукса „Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии“, изданной в 1840 году в Казани. Те несколько песен, которые даны в этой книге, никак нельзя причислить к лучшим образцам чувашского фольклора. Фукс не могла выбрать лучшие образцы чувашской народной поэзии, так как весьма поверхностно была знакома с чувашским языком. Такое поверхностное знание языка привело Фукс к тому, что она считала этот язык очень скудным, убогим языком. По ее мнению, в чувашском языке всего лишь 1646 слов!

Не одна г-жа Фукс имела такое представление о чувашском языке. Ту же самую мысль о чувашах выразили пятнадцать лет спустя офицеры генерального штаба, которые собирали материалы для статистики Российской империи: они представили некоторые сведения и о чувашах. Позже эти сведения были напечатаны в книге М. Лаптева „Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния“ (1861). Вот что сказано в этой книге о языке и духовной культуре чуваш:

„О развитии чувашского народа вообще можно сказать, что оно стоит пока очень низко; лучшим доказательством этого служит их язык,—язык бедный, скудный, особенно в выражении отвлеченных понятий. В нем всего полторы тысячи слов. Когда приходится чувашенину сказать о том, что выходит из круга его понятий, он прибегает не к голове, а к горлу и жестам. Скудость воображения, чувств, понятий яснее всего сказывается в их песнях“ (стр. 246).

Такие взгляды на чуваш, разумеется, сильно мешали серьезно интересоваться их жизнью и бытом, их языком, культурой и искусством. Это в достаточной мере наблюдается и в перечисленной нами литературе о чувашах.

Статьи по чувашской этнографии и фольклору печатались, главным образом, в журнале „Известия общества археологии, истории и этнографии“, издаваемом при Казанском императорском университете. Особую ценность среди этих статей представляют очерки Спиридона Михайлова „Чувашская свадьба“ (1852) и „Чувашские разговоры и сказки“ (1853).

В дальнейшем по сбору чувашского фольклорного и этнографического материала работали А. Ф. Риттих, Мальхов, Регули, Буденц и другие ученые.

Как видно, до Константина Васильевича Иванова, основоположника и классика чувашской художественной литературы, образцы чувашского фольклора были приведены очень скудно. И притом ни один из вышеуказанных авторов не занимался научным исследованием этого фольклора, никто из них не раскрыл его художественных богатств. Они привели фольклорные произведения лишь как иллюстративный материал к этнографии чуваш.

Среди фольклористов того периода можно отметить два течения: дворянское и миссионерское. Со стороны дворянской фольклористики ощущается тяга к затушевыванию социального содержания народного творчества. Представители этого течения отрицали классовость фольклора. А попы и миссионеры старались использовать произведения фольклора в своих миссионерских целях. В этих целях они присоединяются к сбору чувашского фольклора, начинают фабрикацию легенд на христианские темы.

С большим трудом распространялись среди чуваш христианские идеи, ибо чуваша крепко держались за свою языческую веру. Против попов и миссионеров народ пускает в ход свое отточенное слово. Его сказки, песни, пословицы беспощадно бичуют их.

III.

Небогато было представлено в печатной литературе до К. В. Иванова наследство чувашского фольклора. Был ли Иванов знаком с этим наследством или нет,—речь здесь не об этом. Одно для нас ясно: поэт, вдохновляемый и руководимый прогрессивными идеями своей эпохи, ни в какой мере не мог соглашаться с выводами тех исследователей, одни из которых доказывали скудость и ограниченность чувашского фольклора, другие утверждали отсутствие в нем классовой, а третьи пытались использовать его в религиозно-миссионерских целях. Константин Васильевич Иванов прекрасно знал как словарно-поэтическое богатство чувашского фольклора, так и его классовую сущность и социальную направленность. Эти прекрасные

качества устного поэтического творчества своего народа он умело использовал в своей бессмертной поэме „Нарспи“ и в волнующих стихотворных сказках.

Поэтому творчество Иванова нужно рассматривать не только как страстный протест против диких порядков затхлой жизни, но и как сокрушительный удар по клеветникам на чувашский народ и его духовную культуру.

В ту пору, когда созрел юный талант, в чувашской фольклористике возникают два новых, противоположных течения. С одной стороны, набирают силы революционно-демократические элементы; с другой стороны, поднимают головы представители черной реакции, защитники кадетской буржуазии.

В Кратком курсе истории ВКП(б) читаем следующее:

„Революция показала, что либеральная буржуазия ищет союза не с народом, а с царем, что она является контрреволюционной силой, соглашение с которой равносильно предательству народа.

Революция показала, что вождем буржуазно-демократической революции может быть только рабочий класс, что только он способен оттеснить либеральную кадетскую буржуазию, высвободить крестьянство из-под ее влияния, разгромить помещиков, довести революцию до конца и расчистить путь к социализму“ (стр. 90).

Честному и бескорыстному поэту, впервые воспевшему вольные мечты чувашского народа, за свою недолгую жизнь пришлось бороться не только с клеветой на его родную нацию и его духовный облик, ему пришлось выступить и против идей черной реакции, которая душила всякую свободную мысль. Реакционно-монархические идеи в период первой русской революции сильно проникали и в чувашскую фольклористику. Наглядной иллюстрацией этого является книга Н. В. Никольского „Взгляд чуваш на воинскую повинность“, выпущенная отдельным изданием в 1905 году в Казани. Нет нужды доказывать, что эта книга написана с единственной целью—с целью защиты и восхваления царского самодержавия. „Чуваши служат царю, а царь их защищает, кормит, охраняет. Общение между ними (т. е. между царем и чувашами, держится на искренней любви“,—читаем мы на первой же странице. Здесь мысль автора не требует разъяснения, она и без того ясна: если царь „защищает, кормит, охраняет“ чуваш, то почему не любить такого царя, его порядки? Эта мысль и пропагандируется в указанной книге.

Революционный демократ, вдохновляемый самыми прогрессивными идеями, К. В. Иванов, разумеется, не мог соглашаться с такими монархическими утверждениями.

И он страстно выступил против порядков, повергающих человека в рабство, против власти денег, уродующей человеческое достоинство, на защиту прав человеческой личности. Творчество Иванова по своей сути революционно.

IV.

Как уже сказано, К. В. Иванов очень внимательно изучал народное творчество. Но не только чувашские песни и сказки, но и другие виды народного искусства овладевали его любопытством. К примеру, он любил резьбу на дереве и с большой любовью изучал орнаменты строительной архитектуры.

В годы учебы в Симбирской чувашской школе он записывал у своих товарищей по школе много песен, сказок и пословиц. Собирал он чувашский фольклор также и в деревнях в каждый свой приезд на каникулы. Так, например, в 1906 году им записаны заговоры и заклинания, рассказы своей бабушки об истории Пртта и другие произведения устного творчества. Сбору чувашского фольклора поэт придавал большое значение. По воспоминаниям сестры поэта П. В. Ивановой, К. В. говорил, что „все национальные песни, обряды нужно запомнить и записывать. В дальнейшем это нужно для истории чувашского народа, что все это со временем исчезнет“...

В этом же году он перевел на чувашский язык две популярные русские народные песни „Дубинушка“ и „Отпустили крестьян на свободу“. Перевод этих песен лишней раз подтверждает революционно-демократическое мировоззрение поэта, которое формировалось под влиянием прогрессивных идей русской классической литературы, в обстановке революционных событий 1907—1907 годов.

Не только К. В. Иванов, но и большинство учащихся Симбирской чувашской школы усиленно занималось в то время собиранием фольклора. Собранные материалы тщательно хранились.

Впоследствии эти материалы почти целиком перешли в руки Н. И. Ашмарина и оказали большую пользу в составлении словаря чувашского языка. Среди них сохранилась рукопись этнографического сборника Г. Т. Тимофеева, „Девять деревень“, сохранились различные варианты поэмы М. Ф. Федорова „Арсури“ и другие рукописные произведения. Пока эти рукописи находились в Симбирской чувашской школе, Иванов безусловно читал их неоднократно. Знакомство с этими рукописями вдохновляло поэта на самостоятельное оригинальное творчество на своем родном языке. Он испытывает небывалый творческий подъем: стихотворно обрабатывает народные сказки, пишет оригинальные стихотворения и в то же время создает свою поэму „Нарспи“.

V.

К. В. Иванов написал всего три стихотворных сказки: „Две сестры“, „Железная мялка“ и „Вдова“. Сюжеты первых двух сказок поэт заимствовал из народного источника, сюжет третьей, очевидно, принадлежит самому автору, ибо в репертуаре народного творчества таких сюжетов не встречается.

Отец последовательно задает двум своим дочерям три вопроса: что тучней, что слаще, что мягче всего на свете? Старшая отвечает:

„Лошадь серая у папы—
Та тучней всего на свете.
Мед на пасеке у папы—
Тот всего на свете слаще.
Во дворце твоём постели—
Те всего на свете мягче“.

— Умно сказано, дочурка,
Ты утетила под старость;
Своего добра за это
Дам тебе я половину“,—

говорит отец. Совершенно по-другому отвечает отцу младшая дочь. Она говорит: тучнее всего на свете земля, слаще всего сон, мягче всего рука. Обиженный справедливыми ответами младшей дочери, отец прогоняет ее из дому. Таково содержание миниатюрной сказки „Две сестры“.

Устои старого мира целиком основывались на эксплуатации человека человеком, обмане и лжи. Общественную ценность человека определял не разум, не творчество, а богатство. Кто в своем сердце носил искру справедливости, но не имел богатства, тот должен был рабски унижаться перед богатыми и во всем повиноваться им. Нормальные отношения между людьми извращались, изуродовались властью денег. Об этой извращающей силе денег Карл Маркс писал:

„... Деньги суть всеобщее превращение „индивидуальностей“, которые они превращают в их противоположность и придают им свойства, обратные их собственным.

В качестве этой извращающей силы выступают они затем и против индивида и против общественных и тому подобных связей, претендующих на то, чтобы быть существами для себя. Деньги превращают верность в неверность, любовь в ненависть, господина в слугу, безрассудство в рассудок и рассудок в безрассудство“ (Карл Маркс, *Философско-экономические рукописи*).

Отражение этих диких обычаев капиталистической системы мы^{чи} видим в сказке К. В. Иванова „Две сестры“. Чтобы угодить старику-самодуру, претендующему на роль законодателя жизни, здесь старшая дочь выставляет наглухо ложь, но старик считает ее слова все же справедливыми, ибо собственная лошадь ему на самом деле кажется тучнее всего на свете, собственная пуховая перина—мягче всего, сотовый мед из собственной пасеки—вкуснее всего; одним словом, собственное богатство для него—всесильный критерий. Старик-эгоист оправдывает эти три явно ложные отгадки тем, что они утешительны для него. Но поэт не может примириться с этим урод-

ливым явлением. Правда не в деньгах, не в богатстве, не в пустяках, которыми тешат себя подобные старики-эгоисты. Правда не может быть подчинена никакому мелко-буржуазному эгоизму. Чтобы сохранить правду в чистоте, не нужно раболепствовать ни перед кем. Вот на какой путь ставит автор младшую дочь старика. Она не добивается милости своего отца, подобно старшей дочери; не страшась того, что ее за это ожидает, она судит о явлениях так, как их понимает сама.

Таких сюжетов в народных сказках немало. Но народные сказки вознаграждают умные и правдивые ответы младшей дочери. В сказке же Иванова, в отличие от народных сказок, за правду она терпит гонения. Поэт внес в народный сюжет такое изменение для того, чтобы реальнее показать гнусную действительность. Капитализм попирает правду жизни. Иванов знал это и утверждал непреклонную волю к правде.

В освещении некоторых наших исследователей Иванов выступает лишь как поэт, который литературно обработал народные сказки и придал им большую эмоциональную глубину и силу. На самом же деле Иванов не только эмоционально насытил эти сказки, но, как видно из сказанного, придал им также и большую социальную остроту.

* * *

„Железная мялка“ имеет следующую фабулу. В тесной и грязной лачуге живет слепая чувашка-ведьма. Ее младшая невестка, по имени Ласточка, (Чэгесь) просится в гости к своим родным. Лишь на третий день под вечер старуха дает ей свое согласие, но в ее согласии слышится явная угроза. „Ну, ступай, ступай, невестка, надоедница-невестка, под конец свое увидишь, под конец свое получишь!“—сварливо заявляет она своей невестке. Чтобы отразить нечистую силу, невестка готовит три волшебных юсмана. Только она выехала в путь, а ведьма посылает вслед ей свою железную мялку, наказав ей задушить ненавистную Ласточку. Три раза догоняет железная мялка ни в чем неповинную Ласточку, однако та каждый раз бросает свою волшебную лепешку и каждый раз мялка скачет обратно. Вот доехала невестка и к сестре своей стучится:

— Тыпусти меня, сестрица,
приюти меня, сестрица.
Ласточку твою родную
враг заклятый настигает.

— Некому в ночную пору
из родных стучаться в гости,
прочь своей ступай дорогой!—

бессердечно отвечают ей, и ни сестры, ни брат не пускают к себе ночную гостью. Ласточка забирается на поветь, и зарывается там в солому, где и погибает от страха. Железная мялка,

не найдя Ласточки, стремительно мчится обратно и в ярости отрубает голову старой ведьмы. В ту же ночь и у мельника вода прорвала плотину.

Эта сказка осмеивает народные предрассудки и раскрывает их социальные корни. Народ верит в сверхъестественные явления, ищет различные способы отражения враждебных ему сил, однако никакие заговоры и заклинания, никакие чудодейственные талисманы не спасают человека, увязшего в болоте предрассудков. Нужно искать другой путь спасения: если старуха, ослепшая от кострики, в поисках средств существования становится ведьмой и своим колдовством губит простодушных людей, ее нужно уничтожить. Сама композиция сказки под пером Иванова подводит к такому выводу. Как только ведьма погибла, присмирела и волшебная мялка, т. е. перестала быть для людей пугалом. Более того: эти предрассудки и поверья были на руку лишь богачам, которые держали народ в темноте и забитости, чтобы лучше обманывать его. Поэтому Иванов совершает жестокую расправу: в одну и ту же ночь казнит ведьму и навлекает на деревенского богача стихийное бедствие. Автор как бы хочет сказать этим темным силам царизма, поддерживающим в народе различные поверья и предрассудки: „Если вы через ворожек, и знахарей пускаете народу пыль в глаза, погибайте!“

Таким образом Иванов здесь выступает подлинным демократом, который страстно хотел видеть свой народ избавленным из плена этого дикого суеверия.

Несколько отличен народный вариант этой сказки. В нем нет ни смерти старой ведьмы, ни того бедствия, которое постигло богача-мельника. Вместо этих событий в народном варианте сказки братья невестки выходят утром задавать корм скотине и видят обвитые вокруг столбов ограды кишечки. Из них они делают струны и натягивают на гусли. Гусли человеческим голосом поют грустную песню. Братья бросают гусли в мусорный угол, и гусли обращаются в их сестру-блондинку. Народная сказка также показывает, как губительное для народа суеверие, но здесь человек воскресает, и в этом—оптимизм народной сказки. Иванов же изменил конец сказки так, чтобы она глубже, острее изобличала общественные порядки, и сказка в таком виде не утратила своего оптимизма, ибо зло породило свою смерть.

* * *

Содержание сказки „Вдова“ заключается в следующем. Семеро родных братьев сражаются на поле битвы. Во время жатвы их свекровь, гадая об участи своих сыновей, кидает ложки вверх. Ложка младшей из семерых невесток наполняется кровью. Она отправляется на войну, чтобы разыскать труп своего мужа. Там она встречает трех старших братьев, от которых узнает, где покоится ее супруг, находит его труп, выдергивает с его головы три волосинки и вешается на них.

Эта сказка написана Ивановым в 1907—08 годах. Неудачная для русского правительства русско-японская война 1904—05 г. глубоко взволновала впечатлительного юношу... Беспросветная нужда, постигшая семьи погибших на войне, проклятый жребий искалеченных войной, мрачные картины горького послевоенного существования—все это оставило в чувствительном сердце поэта незаживающие раны. Поэт поставил перед собою цель—рассказать своему народу о губительных последствиях войны. Однако как донести эту правду до сознания темных, запуганных народных масс? Жандармские псы не позволяли говорить об этом открыто, поэтому Иванов выражает эту мысль в форме сказки. Читая эту сказку, мы видим потрясающие картины битвы, разбросанные повсюду черепы безымянных героев, кровь, которая дымит повсюду, глубокое горе вдов и сирот. Вместе с этим мы ощущаем горячую любовь поэта к человеку, его протест против бессмысленного истребления людей.

Таким образом, сказки К. В. Иванова явились протестом против гибельных для человека устоев старого мира. Поэтому его сказки и в наши дни не теряют своей социальной остроты и художественной ценности.

VI.

О происхождении сюжета поэмы „Нарспи“ есть различные предположения. Некоторые утверждают, что история, рассказанная в поэме, была услышана Ивановым от сторожа Симбирской чувашской школы И. М. Маркелова. По словам других, автор слышал это от Гаврила Коренькова. Сестра же поэта, Мария Васильевна, предполагает, что сюжетом этой поэмы послужили рассказы бабушки поэта. Есть и сходственная сторона в этих предположениях: и те и другие свидетельствуют о том, что подобный сюжет распространен в устном народном творчестве. Чтобы установить, откуда заимствовал К. В. Иванов сюжет „Нарспи“, нам следует подробнее рассмотреть чувашские сказки. Есть ли среди них подобные сюжеты, или же имеются только такие, которые лишь отдаленно напоминают сюжет „Нарспи“?

Содержание „Нарспи“ всем известно. Это—несчастливая любовь двух пылких сердец друг к другу. Основная идея: счастье не в богатстве, а в бескорыстной любви. Такая любовь не может мириться с дикими порядками капиталистического мира, ибо она свободна.

Такие сюжеты в чувашском фольклоре встречаются нередко. Так, в одной сказке, записанной среди чуваш Уфимской губернии, рассказывается, что у одного очень богатого чуваша было три дочери. Двух старших дочерей он выдает замуж за богачей. Младшая дочь, вопреки воле отца, выходит за любимого ею бездомного пастуха. Старшие сестры со временем разоряются и терпят бедствия; она же со своим пастухом наживает богатства и обретает счастье. Вывод: счастье—не в богатстве.

Таким образом, основные мотивы поэмы „Нарспи“ зародились действительно в народе. Нам сейчас нет надобности знать, слышал ли Иванов сюжет своей поэмы у Маркелова или у кого-либо другого, ибо, как бы то ни было, это—распространенный в народе сюжет. Этот народный сюжет был взят Ивановым для того, чтобы доступнее передать массам волновавшие его идеи.

В рассмотренной нами народной сказке младшая дочь не проявляет активности. Ее борьба за личное счастье ограничивается только тем, что она отвергла отцовскую волю и вышла замуж за пастуха. Совершенно по-другому выглядит Нарспи. Родители насильно выдают ее замуж. Она волнуется, скорбит, восстает, наконец, против воли родителей, против омерзительных обычаев общества и—гибнет. К. В. Иванов поднял идею фольклорного произведения на более высокую ступень и бросил клич на борьбу против бесчеловечных условий капитализма. Это било и по реакционно-монархистскому течению в фольклористике.

Народ всегда стремится к своей вековечной мечте. Если его мечты не сбылись в действительности, они сбываются в его сказках и песнях. И в поэме „Нарспи“ народ узнавал свои мечты, угадывал, что нужно делать, чтобы эти мечты претворить в действительность. Поэма „Нарспи“ прочно вошла в народный репертуар, и народ передавал ее из уст в уста, исцелял ею свою истерзанную душу, питал ею свои надежды, рождал в себе чувство возмездия.

Поэма „Нарспи“ близка и доступна народу своей основной идеей, но она близка и доступна ему и прелестью формы, чудным переливом стиха. Если за 50 лет до рождения поэта в ходу была гнусная клевета о вымышленной скудости чувашского языка, семнадцатилетний гений Иванова показал все богатства, звучность, силу и красоту чувашского языка. Поэт справился со своей задачей лишь при основательном знании словарного богатства родного языка и родного фольклора.

Рассмотрим, как пользовался К. В. Иванов в своем творчестве приемами народной поэтики. Чувашские народные песни в основном складывались в форме силлабического семисложника. Почти все они имеют катренную (четверостишную) строфику. Внутри строфы стихи имеют попарную интонационно-смысловую связь. Два первых стиха дают зарисовку пейзажа или других явлений жизни, последние два стиха раскрывают внутренние переживания человека. Такой психологический параллелизм, являющийся основой народной поэтики, большое место занимает и в творчестве К. В. Иванова. Больше всего мы сталкиваемся с этим в поэме „Нарспи“. Вот примеры такого параллелизма:

Одуванчик яркожелтый
Средь травы растет в степи.
А в Сильби растет девица
С редким именем Нарспи.

Кто приветливо не взглянет
На цветок родных полей?
Кто красавицу такую
Не полюбит из парней?

В обеих этих строфах поэт использовал психологический параллелизм. В них первые два стиха повествуют о прелести цветка одуванчика, два вторых стиха сравнивают с этим цветком красоту Нарспи, ибо по симпатиям чувашей лучшими красавицами считаются блондинки (по-чувашски сарă хёр, в буквальном переводе желтая девица, соответствует русскому красная девица); их принято сравнивать с цветком одуванчика.

В поэме „Нарспи“ немало и других строф, построенных на психологическом параллелизме. Вот как изображает автор безутешное горе Нарспи в доме у Тохтамана:

В поле черными пластами
режут землю сошники,
У Нарспи кручина злая
режет сердце на куски.

Под косою острой вьется,
нагибается трава.
У Нарспи от злой кручины
ниже, ниже голова.

С каждым днем сильнее солнце
нагревает мир с высот.
У Нарспи кручина злая,
все больней она сосет.

Использование народной поэтики делает стихи Иванова волнующими, близкими к народу. При чтении этих строчек мы воспринимаем горе Нарспи как собственное горе, и в наших глазах застывает слеза.

В стихах Иванова мы наблюдаем и другие приемы народной поэтики. В песнях низовых чуваш часто подлежащее ставится во множественном числе, а сказуемое в единственном. Талантливый поэт в своем богатом и многогранном творчестве смело использовал и эту форму.

1. Сёр сёмёрсе каччӑсем
Ташлать хапха умёнче .

Парни пляшет у ворот,
Так что земля содрогается.

2. Утса-утса пынӑ чух
Шӑнкӑртатать тенкисем.

Когда она шагает,
ее монисты звенит.

3. Апатланса икӗ чун
хёрӑ сӑмах калаҫать.

Две души за обедом
горячо беседует.

4. Ырӑ евчӑн хапхисем
Уҫӑлать те хупӑнать.

Ворота доброго свата
то открывается, то затворяется.

К. В. Иванов превосходно знал жизнь народа, его обычаи, обряды. Он показал народную жизнь правдиво и с предельной

художественной насыщенностью. С каким мастерством описывает Иванов свадебные обряды чуваш! Вот у Михедэра разыгралась свадьба. В избе под покрывалом сидят Нарспи и старый Тохтаман. Родители Нарспи читают им благословения на мирную супружескую жизнь.

Дочь Нарспи, благословляем
с мужем жить тебе в ладах.
Мир да будет между вами
и согласие всегда!

Слушай мужа, будь покорна,
злых людей ты избегай.
Но в работе будь проворна
и где надо—не плошай.

Или: Пусть живут в довольстве, здравы
да детишек народят;
Пусть молва их не охает
и во всем пусть будет лад.
Пейте, кушанте, родные,
в дружбе век нам вековать.

Свадьба на дворе в разгаре. Нарспи благословили. Льются песни, пляшут, заводят игры, смеются.

Отчего вы так притихли,
словно песню затая?

Не сидеть же век нам молча,
не итевцы мы соловья,—

подзадоривают друг друга участники свадьбы. И песни и обряды, переданные здесь, все целиком принадлежат народу. Знакомясь с этими строками, народ узнает в них себя, видит в них свою душу.

Читая строчки:

Деды, бабшки родные!
Наслаждайтесь век в раю.

Наши яства, вознянья
Пусть усладивам дают,

мы как перед глазами видим обряд поминовения усопших у чуваш; читая строчки:

— Дни холодные настанут,
и застынет кровь—руда;
дни жестокие настанут—
очерствеет в нем душа.

Дни горячие настанут—
вновь воспламенится кровь,

и сгорит, испепелится
вся душа, растаяв вновь,—

мы живо вспоминаем магические действия; а когда читаем строчки:

— через семьдесят морей
едет бабка Шабадан.
Дунь, старуха, плюнь на суп,
пусть погибнет Тохтаман!
Островов чрез шестьдесят
Скачет медный злой Пуган.

Прискачи скорей, Пуган,
Пусть погибнет Тохтаман!
На горах на тридцати
и одной—котел—латунь:
Суп, варись, варись в нем, змей;
Ты, злой муж, варись в аду!—

нас приводят в дрожь страшные колдовские заклинания. Читая подобные места, живо представляешь, где, в какой обстановке, когда происходит действие.

Константин Васильевич Иванов, таким образом, основательно знал особенности жизни и быта чуваш, составляющие национальный колорит, и с большой художественной силой отразил их в своем творчестве. Происходят ли свадебные пиршества, гадают ли знахари и ворожеи против бед и несчастий, желают ли люди друг другу добра или проклинают друг друга—во всех этих действиях Иванов изображает народ с его душой, с его обликом, с его надеждами.

* * *

Центральный герой поэмы—Нарспи. Чтобы ее образ был прелестным и обаятельным, поэт наделил ее чертами, наиболее близкими народу. Заводит ли она игры в уяве, рукодельничает ли у себя дома, готовит ли яства в ожидании гостей, проливает ли слезы над своим печальным жребием—в любой обстановке видишь в ней свободолюбивую представительницу чувашского народа. Вот она на улахе затевает игры, соловьиным голосом распевая песни. Вот она

... берется шить и бойко
мелким бисером строчит;
пес стальной с хвостом кудельным
то вырвет, то взлетит.

А вот кошка на скамейке стала умываться. У Нарспи „для гостей готовы яства“. Во всем „народные приметы и обычаи, народная мудрость“.

Но трогательнее всего в поэме плач девушки. И здесь Иванов широко пользуется богатством народной поэзии. Когда Нарспи причитает свои упреки родителям, Иванов не подсказывает ей слова причитания. Нарспи сама знает, как причитать, ибо чувашская женщина, переносившая многовековое рабство, еще в глубокой древности вложила свое горе и отчаяние в свадебные причитания, вложила в них все свое горемычное сердце. И Нарспи тоже причитает, глубоко оскорбленная бесчеловечностью своих родителей:

О родители, зачем вы
погубили жизнь мою?
И зачем в чужие руки
Вы отдали дочь свою? ¹

Одна ли Нарспи причитала так в глубокой скорби? Нет, так причитали, разлучаясь со своими подругами-сверстницами, большая часть чувашских девушек, которых против их воли выдавали замуж.

Так мастерски пользовался в своем творчестве классик чувашской поэзии всеми формами устного творчества. Поэтому его поэзия так близка и так понятна народу. Однако К. В. Иванов не брал из фольклора все, что попадалось под руку, а выбирал из него лучшие образцы и не разбрасывался ими как попало, не совал их куда не следует, а строго отводил им свое место согласно основному замыслу произведения. В этом отношении Иванов наметил путь для дальнейшего развития чувашской поэзии.

Как Пушкин в русской литературе впервые поднял на небывалую ступень силу и красоту произведений фольклора,—так в нашей чувашской литературе К. В. Иванов впервые показал силу и мощь устного творчества своего народа. Его произведения зарождались из народного сердца, из народной мечты, обогащались народной словесностью. Поэтому эти произведения составляют золотой фонд чувашской литературы и поэтому они никогда не будут забыты породившим их народом.